

2.3.3. Формирование антихрущевского большинства в Президиуме ЦК и превращение его в «антипартийную группу»

6-13 июня 1957 г. Булганин и Хрущев совершили свой последний совместный зарубежный вояж. На этот раз в Финляндию. А в Москве в их отсутствие недовольные Хрущевым пришли к мнению о необходимости поставить ребром вопрос о нарушении им принципов коллективности в руководстве и принять меры против появления нового культа личности, в числе коих могли быть и отстранение его с поста первого секретаря ЦК и ликвидация самого этого поста.

18 июня начались четырехдневные заседания Президиума ЦК КПСС, а вслед за этим последовал пленум ЦК КПСС, на котором эти самые противники Хрущева были объявлены «антипартийной группой» и исключены не только из Президиума, но и из самого ЦК. Тон на этом пленуме задавали первые секретари республиканских и областных партийных комитетов.

Члены же ЦК – бывшие министры могли при благоприятных обстоятельствах стать надежной опорой его противников. Первый секретарь ЦК КП Украины А.И. Кириченко отмечал в связи с этим на пленуме:

– Они думали, в составе ЦК, мол, имеется много министров, заместителей министров и других крупных руководящих работников, которые хоть и полностью согласны с решением о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством, однако, вследствие того, что многих из них после долгой работы в министерствах теперь посылают на работу за пределы Москвы, и раз они являются обиженными, то поддержат Маленкова, Кагановича, Молотова. Но, как видите, на пленуме ЦК за эту группу вообще не выступал ни один человек. Да иначе и быть не могло {946}.

Правильно, иначе и быть не могло. Но не потому что, как объяснял это оратор, «министры – это коммунисты, большевики, ленинцы». Члены «антипартийной группы» тоже были большевиками, ленинцами, коммунистами. Заметим, что к моменту выступления Кириченко, а

это уже шел третий день пленума, ни одному члену ЦК – бывшему министру пока что слово предоставлено не было. И в том был определенный расчет: пусть они увидят и убедятся, на чьей стороне большинство. Хотя им и без того должно было быть ясно, что чисто арифметически они в ЦК значительно уступают региональным лидерам.

Тот факт, что против Секретариата ЦК объединились работники Совета министров, не случайным назвал и первый секретарь ЦК КП Белоруссии К.Т. Мазуров{947}. Первый секретарь Смоленского обкома П.И. Доронин ошибку «заговорщиков» видел в следующем:

– Они думали, что мы такие пешки, которых можно переставлять, а затем за ненадобностью, как бы походя, не глядя, столкнуть в мусорную яму... Мы оказались не такими, как они рассчитывали{948}.

Эту же мысль повторил второй секретарь ЦК КП Украины Н.В. Подгорный:

– Эти «деятели» и не подумали, что кроме кажущегося большинства в Президиуме есть еще и Центральный Комитет партии, который скажет свое последнее слово{949}.

Да, региональные лидеры и часть ведомственных функционеров действительно отказалась в данный момент от привычной роли безропотных и послушных исполнителей. И, пожалуй, единственный раз в истории ленинской партии отважились сказать свое веское, решающее слово в споре верхов за власть.

Сыграв ключевую роль в разрешении конфликта между членами Президиума ЦК, не дав в результате этому самому Президиуму ЦК возможности стать действительно коллективным органом руководства и укрепив авторитет и позиции первого секретаря ЦК, члены Центрального Комитета КПСС тем и удовлетворились. Ими ничего не было предпринято для того, чтобы воспользоваться столь благоприятным моментом и делегировать себе, пленуму ЦК, значительную часть властных функций от Президиума и Секретариата ЦК. Ни у кого из них даже мысли такой не возникло. «Высшим органом партии между ее съездами» пленум ЦК продолжал оставаться только на бумаге. В действительности же все его функции сводились по-прежнему к тому, что он собирался пару раз в году на своего рода митинг, заканчивающийся одобрением решений, разработанных аппаратом под руководством первого секретаря ЦК, и сразу же после этого переходящий в другой, более многолюдный митинг – сессию Верховного Совета СССР. На такого же рода формальности был обречен отныне и Президиум ЦК, подобранный из послушных и не очень-то инициативных сотрудников Хрущева.

Сообщение о пленуме ЦК КПСС и постановление об «антипартийной группе» было встречено и партийным активом, и простыми людьми со значительной долей недоумения.

1 июля 1957 г. первый секретарь ЛК и ЛГК КПСС Ф.Р. Козлов, ставший теперь членом Президиума ЦК, доложил об итогах пленума первым секретарям райкомов и заведующим отделами горкома и обкома партии, затем – секретарям парткомов и директорам ленинградских предприятий. И только после такой подготовки на следующий день был созван Ленинградский областной партийный актив. Начался он с оглашения постановления пленума ЦК, после чего последовала «бурная и продолжительная орация». Аплодисментами прерывался и доклад Козлова. Для выступления в прениях записалось 56 человек. Слово предоставили 19. Зампред облплана И.М. Турко рассказывал о том, как в 1949 г. Маленков заставлял его признаться в совместной с Кузнецовым деятельности, направленной, якобы, против ЦК. Это была больная для памяти ленинградцев тема, поэтому его слушали сочувственно. А секретарь правления Ленинградского отделения Союза писателей А.А. Прокофьев прочитал стихотворение «Партия», заканчивавшееся призывом «теснее в круг партийные ряды»{950}.

По схожему сценарию проходили партийные активы и в других местах. И результаты их предварительной подготовки сказывались на характере вопросов к докладчикам и выступлений в прениях.

– Почему проявлен такой либерализм в отношении Булганина? Как же оставили Первухина кандидатом в члены Президиума ЦК? – спрашивали, например, на Алтайском краевом партийном активе{951}.

– Наш народ знает секретаря ЦК КПСС товарища Хрущева как неутомимого организатора, руководителя ленинского типа, постоянно прислушивающегося к голосу масс, постоянно бывающего в гуще народа, – говорил секретарь Скопинского райкома КПСС Пономарев на Рязанском областном партийном активе{952}.

Но не всюду удалось выдерживать должный настрой. Кое-где вопросы к докладчику носили не очень-то приятный характер. Так, на Ярославском областном партийном активе интересовались не только тем, как поступить с портретами членов «антипартийной группы», и каким голосованием, открытым или закрытым, было принято постановление пленума, но и тем, «не является ли культом личности, когда отдельные мероприятия последних лет приписываются тов. Хрущеву, а не ЦК партии?»{953}.

Еще более острыми были поданные в президиум записки на Бурят-Монгольском партийном активе:

«Молотов, Каганович, Маленков несут ответственность за репрессии. Но ведь товарищ Хрущев тоже был членом Политбюро, близким к Сталину, занимал большие посты. На Украине тоже были большие репрессии. Не есть ли попытка снять с себя ответственность?»

«Кто же может поверить, чтобы старые большевики на 40-м году советской власти стали врагами партии, врагами народа? Кто же поверит, что Молотов, Каганович, Маленков, Булганин, Шепилов, Первухин, Сабуров, Ворошилов были все неправы, а Хрущев прав во всем? Да еще с Фурцевой».

«Дело видимо не в этом. Они, очевидно, мешали Хрущеву творить вольности, и он решил их убрать. Оклеветали Сталина, клеветите на них. Что касается пленума, то Хрущев давно готовил себе сторонников в лице секретарей обкомов. Не случайно Украина переселяется в Москву, на Урал, в Сибирь. Скоро, видимо, и у нас появится секретарь с фамилией, оканчивающейся на ко, вроде... Величко».

«Почему сейчас не дали возможности Молотову, Кагановичу, Маленкову выступить со своими мнениями в печати?»

А в одной записке, правда, без подписи, прямо утверждалось, что «Хрущев стремится к диктатуре», что «он мстит за свои обиды»{954}.

В разгар проведения партийных активов на местах и в день публикации постановления пленума ЦК об антипартийной группе, 4 июля 1957 г. Президиум ЦК КПСС, явно имея в виду популярность Маленкова среди сельских жителей, считавших себя обязанными ему за снижение в 1953 г. в два раза сельскохозяйственного налога, принимает решение об отмене обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству с приусадебных хозяйств колхозников, рабочих и служащих. И соответствующее постановление ЦК КПСС и Совета министров, конечно, сыграло свою роль. Хотя и не обошлось без некоторых накладок. Так, председатель колхоза им. Кирова в Селивановском районе Владимирской области Игнатьева заявила, что это решение вынесено «рановато», так как некоторым колхозам будет трудно взять на себя объем заготовок, который раньше сдавали колхозники{955}. А ассистент физмата Уральского университета Князев высказал опасение, что колхозники теперь вообще не будут работать в колхозе, а «будут возить товары на продажу и продавать по дорогой цене»{956}.

Затем постановление ЦК обсуждалось на закрытых собраниях в первичных партийных организациях. По сведениям отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР, около трети партийных организаций решили просить ЦК исключить Молотова, Кагановича, Маленкова и Шепилова из партии. Около 7% ходатайствовали о привлечении их к судебной ответственности. Около 8% высказалось за привлечение к более строгой партийной ответственности Булганина, Сабурова и Первухина. «С большой теплотой и одобрением говорили коммунисты о многогранной деятельности т. Хрущева»{957}. Например, директор Красноярского порохового завода говорил:

– Кто не знает товарища Хрущева не только по портретам, а по чистоте душевной его, по его связям с народом, по его неутомимой энергии на благо народа? И вот на этого человека пытались поднять свои грязные руки раскольники!{958}.

– Осудить товарища Хрущева за то, что он много ездит по стране, могли только завистники и карьеристы, пренебрежительно относящиеся к нуждам народа, – говорил и начальник цеха № 58 Мотовилихинского завода Лунев.

2109 коммунистов этого предприятия приняли резолюцию с предложением лишить завод, район, город и область имени Молотова{959}.

– Нам, рядовым работникам, особенно заметно, как после XX съезда партии улучшается наша жизнь, – говорил рабочий Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината Соловьев. – В

магазинах у нас стало больше продуктов, промышленных товаров, растет жилищное строительство – дело идет к лучшему. Значит, наша партия идет правильным путем, и этот путь надо поддержать {960}.

И все же полного единодушия в партийных рядах уже не было. Как признавалось в той же информации отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР, «отдельные коммунисты взяли под сомнение правильность постановления июньского пленума ЦК КПСС, выступили в защиту раскольников..., клеветали на ЦК КПСС, на тов. Хрущева, охаивали политику партии и советскую действительность». Понятно, что таким лицам был дан «достойный отпор», а «злых клеветников, упорно отстаивающих свои антипартийные взгляды, исключили из рядов КПСС» {961}.

Например, на объединенном партийном собрании Знаменской МТС и колхоза им. Ленина в Покрово-Марьинском районе Тамбовской области механизатор Тимофеев, столяр Хохлов и тракторист Ярышкин «выкриками с мест пытались помешать проведению собрания».

– У нас нет демократии! – утверждал Тимофеев. – Я говорю об этом прямо. Пусть меня посадят... Я не верю пленуму ЦК. Пусть Молотов, Каганович и Маленков выступят по радио и признают свои ошибки.

И хотя их поведение было осуждено, они демонстративно воздержались от голосования. При этом Тимофеев вышел к президиуму и сказал:

– Я с решением пленума ЦК не согласен и прошу исключить меня из партии.

Первичная организация и райком так и поступили {962}.

Председатель профкома в Кедровском строительном управлении города Кемерово Новиков также подверг сомнению постановление ЦК и при голосовании воздержался, а затем, уже после собрания, очевидно продолжая спор с теми, кто пытался убедить его в неправоте, вспомнил действия советского руководства во время венгерских событий и тоже подверг их сомнению. Уже одно это говорит о том, что он отнюдь не был безоглядным сторонником Молотова, Кагановича и Маленкова, и уж во всяком случае, не сталинистом. Его также исключили из партии и освободили от работы председателя профкома {963}.

Как много было таких «воздержавшихся», то есть осмелившихся открыто не поддержать решение ЦК в отношении Молотова, Маленкова и Кагановича?

В информации Владимирского обкома КПСС приводятся такие данные: за проголосовал 56131 человек, воздержались 6, из них лишь один, председатель цехкома на фабрике им. Абельмана в Коврове Дарьин откровенно признался, что не увидел ни теоретических, ни дипломатических ошибок Молотова; 3 сослались на то, что ничего не понимают, не знают причин и вообще «мы люди темные»; а 2 просто отказались объяснять мотивы такого голосования {964}.

В Мурманской области воздержались 4 человека из 9768 присутствовавших на партийных собраниях, проведенных 4-7 июля. Обком партии, сообщая в ЦК об этом, не называет их. Зато приводимые в его информации задававшиеся на собраниях вопросы весьма характерны:

– Не поспешил ли пленум ЦК с принятием такого решения?

– Если коммунист будет высказывать свою точку зрения и отстаивать ее, не будут ли это считать фракционностью?

– Не является ли закономерностью в развитии человеческого общества появление и исчезновение антипартийных группировок со дня установления советской власти, а также периодическое объявление врагами народа и затем их посмертная реабилитация? Когда кончится непорядок в управлении страной?

– Как относится товарищ Хрущев к фильмам о своих поездках в разные страны? Не зачатки ли это культа личности?

– Как узнали 53 члена ЦК, что Президиум заседает? {965}

В Калининской области воздержались 5 членов партии, а 1 проголосовал против {966}.

Были сомневающиеся коммунисты и в Ставропольском крае. Но все они, в конце концов, «признали ошибочность своих взглядов и вместе со всеми голосовали за одобрение постановления пленума ЦК». Но зато 1 человек там проголосовал против. Им оказался пенсионер, майор запаса, стоявший на партучете в Ессентукском аэроклубе, уже имевший два выговора за растрату государственных средств и систематическое пьянство. На сей раз он

назвал неправильной отмену выигрышных тиражей по государственным займам, назвав отсрочку выплаты по ним на 20 лет «присвоением государством народных денег», и высказал мнение, что Хрущев рано выдвинул задачу догнать и перегнать США по молоку, маслу и мясу, ибо страна не готова еще к выполнению этой задачи. Так как вел он себя при этом «вызывающе, никаких разъяснений коммунистов слушать не хотел», его исключили из партии {967}.

В Сталинградской области тоже нашелся один смельчак. В автоуправлении Сталинградгидростроя токарь Иванников, обосновывая свое голосование против, «клеветал» на Хрущева. Его, естественно, также исключили из партии. Воздержались там 7 человек. И, кроме того, «ряд коммунистов отказался голосовать». В Красноармейском районе ДОСААФ офицер запаса Шабулин сказал:

– Если бы антипартийная группа одержала верх, мы бы тоже говорили: Правильно! Я не знаю существа дела. Дайте мне стенограмму, тогда я сделаю выводы.

На заводе «Баррикады» бригадир слесарей Перепелицын, утверждая, что «Молотов был и есть большевик», жаловался на отсутствие видимых улучшений в снабжении и восклицал:

– У нас нет мяса, молока и иного другого, а мы говорим – правильная политика!

– Из сердца моего вы никогда не вырвете Молотова, Кагановича и Маленкова. А Хрущев затеял это только потому, что его хотели сделать министром сельского хозяйства {968}.

В Тамбовской области воздержались 3 человека. Кроме того, на заводе поршневых колец им. Ленина в Мичуринске слесарь А.Т. Надцин, после того как четыре оратора резко осудили его выступление с протестом против спешки в обсуждении вопроса и с требованием дать стенографический отчет пленума, подошел к президиуму и заявил:

– Мне никогда не дают высказать свою мысль... Поэтому я не желаю состоять членом в партии. Вот вам мой партбилет!

И покинул собрание {969}.

В Ленинградской области воздержались 7 членов партии, в том числе 6 из 69 в Колтушском сельсовете. В городе Ленинград таковых оказалось 7 человек, из них 4 на фабрике «Октябрьская» {970}.

В Ярославской области 3 человека воздержались при одобрении постановления пленума в Берендеевском торфопредприятии, а еще 2 отказались участвовать в голосовании.

– Все услышанное здесь у меня еще не уложилось в голове, мне надо во всем разобраться, – сказал по этому поводу кладовщик кондитерской фабрики «Путь к социализму» в Ярославле Дубровский.

Некоторые, одобряя постановление, отказывались голосовать за предложение исключить Молотова, Кагановича и Маленкова из партии. В Щербаковском медицинском училище, например, за это предложение проголосовали только 24 человека из 138. На некоторых партийных собраниях была низка явка. Так, на заводе дорожных машин в Щербакове из 230 коммунистов присутствовало 139, на сигаретно-махорочной фабрике в Ярославле – 56 из 82. {971}

В Иркутской областной партийной организации воздержались 4 человека. Но что интересно, среди них не оказалось заместителя начальника цеха завода № 709 Воронина, который позволил себе выразить недовольство некоторыми мероприятиями партии и правительства. Так, касаясь только что принятого решения отменить обязательные поставки с хозяйств колхозников, рабочих и служащих, он спрашивал, зачем тогда в прошлом году был введен налог на горожан, имеющих скот в личном пользовании:

– Нашлись умники среди руководителей, которые решили, что рабочий кормит корову хлебом и спекулирует молоком, а потому приняли постановление о налоге, чем вызвали уничтожение скота.

Неправильным он посчитал и рекомендацию увеличивать посевы кукурузы:

– Когда меня переизбирали с поста председателя колхоза, колхозники говорили: «Любого председателя, но без кукурузы» {972}.

В Приморском крае воздержался всего лишь 1 коммунист. Зато там, во Владивостокском рыбном порту, произошел такой случай: печник Смольник зашел в партбюро и сказал секретарю, что не пойдет на партийное собрание, так как не согласен с постановлением

плenums ЦК {973}.

В информации других обкомов такие данные присутствуют не всегда. Но отдельные факты «клеветнических» выступлений приводятся. Например, на фабрике «Красная Талка» в Иванове член партии с 1929 г. Козлов утверждал, что «после смерти Ленина в партии идет борьба за власть» {974}. На заводе «Трансмаш» в Орле мастер М.А. Паршин позволил себе сказать такое:

– Только один Ленин был самый честный человек, а сейчас честных людей в партии нет... У нас самые бедные рабочие. У нас отсутствует свобода слова, печати, радио.

Партийное собрание осудило его выступление как неправильное и непартийное, да и сам он вынужден был признать то же {975}.

По словам директора Магнитогорского металлургического комбината, кандидата в члены ЦК КПСС Ф.Д. Воронова, во время доклада о пленуме ЦК на партийном собрании обогатительной фабрики отдельные коммунисты допускали «озлобленные» выкрики:

– Почему только один Хрущев прав?

– Почему ЦК не прислушивается к голосу с мест?

– Сегодня выгнали Молотова – мы одобряем, завтра Хрущева выгонят – мы тоже будем одобрять? {976}

Неприятные для руководства вопросы продолжали задаваться и в низовых партийных организациях. Тульский обком КПСС приводит, например, такой: «Большинство членов ЦК и членов КПСС знали и ясно видели, что уничтожаются люди, работавшие с ними всю жизнь вместе за дело партии. Почему же молчало большинство? Неужели интересы партии ниже для них, чем личные жизненные интересы?» {977}.

3 июля 1957 г., сразу же после партийного собрания в Московском университете им. Ломоносова, на котором выступал Микоян, Краснопевцев и Обушенков составили листовку, которую затем и обсудили с членами своей группы, собравшись в Краснопресненском парке.

Текст был одобрен: «7 человек из членов Президиума ЦК, а не 4, как написано в постановлении, осмелились поднять руку на новоявленного диктатора и пали жертвой ими же созданной системы произвола и насилия», – говорилось там. Листовка призывала к борьбе за социалистическое обновление в духе XX съезда, к прямым выступлениям на партийных собраниях, к созданию рабочих советов и к открытому суду над виновниками преступлений 1937-1953 гг. Досталось в ней и Хрущеву – «кукурузнику» и «пьянице», который «позорит нас в глазах всего мира». В ночь на 5 июля Г. Меньшиков на квартире инженера М. Гольдмана фотоконтактным способом отпечатал 120 экземпляров, а на следующий день распространили их, главным образом рассовав по почтовым ящикам в Краснопресненском (Краснопевцев, Рендель, Обушенко и Семенов) и Пролетарском (Меньшиков, Чешков и Гольдман) районах. 8-9 июля Гольдман распечатал еще 180 листовок, и их снова разнесли по домам Пролетарского района {978}.

Листовки антисоветского характера были обнаружены и в других городах и поселках. Так, в Куйбышеве, в районе авиационных заводов им. Сталина и № 525 нашли 6 листовок следующего содержания: «Товарищи, не верится, что такие опытные, закаленные большевики, как Молотов, Маленков, Каганович и Шепилов, работавшие еще с В.И. Лениным, могли действительно организовать антипартийную группировку. Призываем всех добиваться предоставления им выступления по радио». 7 листовок найдено на рынках в Саранске (Мордовия). Обнаруживали их и в Каспийске (Дагестан), Норильске (Красноярский край) и Кызыле (Тува). Рукописную листовку обнаружили и в одной из газетных витрин Южно-Сахалинска {979}.

Слухи о том, что происходило на партийных собраниях, и публикация самого постановления отнюдь не успокоили народ. И было решено ознакомить с материалами пленума и простых граждан. Было подготовлено и разослано на места для оглашения обширное письмо соответствующего содержания. Докладывая об итогах его обсуждения, заведующий отделом партийных кадров ЦК КПСС по РСФСР В.М. Чураев сообщал, что «повсеместно комсомольский актив, рабочие, колхозники и интеллигенция единодушно одобряют постановление пленума ЦК и осуждают раскольническую деятельность антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и Шепилова» {980}.

И, действительно, примеров такого одобрения было много. Так, работница Клинецвской фабрики им. Ленина в Брянской области Гаврилина говорила:

– Беспартийным рабочим так же дорого единство партии, как и ее членам. Рабочие и весь народ верят своему ЦК КПСС{981}.

В Калининской области на собраниях и митингах, организованных с 9 по 13 июля, присутствовали 550000 человек и выступили 56 320.{982}

Во Владимирской области до 18 июля было проведено 57 митингов с участием 72000 человек. На них выступили 328 человек. И все они призывали одобрить и поддержать постановление пленума ЦК КПСС об антипартийной группе. Против соответствующей резолюции не было подано ни одного голоса. Воздержался от голосования лишь один человек – слесарь стрелочного завода в Муроме Устинов, заявивший:

– Я не согласен с решением ЦК. Не может быть, чтобы Молотов мог изменить партии{983}.

В соседней Ивановской области до 19 июля успели провести 4587 митингов с участием 250000 человек, на которых выступили около 10000 человек{984}.

Липецкий обком КПСС сообщал 22 июля, что им проведено 1493 собрания, на которых присутствовали 186 157 человек и выступили 8750 человек, и что эти собрания «повсеместно прошли под знаком одобрения и поддержки решения пленума ЦК КПСС». И в то же время вынужден был признать, что на некоторых собраниях отдельные рабочие и служащие ставили под сомнение правильность этого решения. Так, главный бухгалтер совхоза «Трубетчинский» С.М. Михайлов выступил против:

– Как же так? Товарищ Молотов проработал столько лет, был нужен для государства. А теперь его вдруг выбросили за борт. Члены ЦК приняли постановление единогласно потому, что получают по 20-30 тысяч рублей, а я прожил 43 года и за 40 лет не наелся.

Не поверили тому, что Молотов мог стать на путь борьбы против партии, и просили организовать его выступление по радио или опубликовать его заявление в печати заливщики Измалков и Разенков, а также токари Иванов и Рязанцев на заводе гидроаппаратуры в Ельце. Просьбы к ЦК разрешить Молотову, Кагановичу и Маленкову выступить по радио с заявлениями об ошибочности их действий оказались приняты в Липецке на станкозаводе, в облпроекте и управлении трамвая, а также в жилищно-коммунальном отделе и ремонтно-строительном цехе Новолипецкого металлургического комбината{985}.

«Считать необходимым выступление Молотова по радио или в печати с обоснованием мотивов его антипартийной, фракционной деятельности в ЦК КПСС» – записали в одном из пунктов своей резолюции рабочие, ИТР и служащие механических и инструментальных цехов Челябинского завода «Строммашина». Для исправления допущенной оплошности пришлось созывать общезаводское собрание. На нем выступили первые секретари горкома и обкома Воронин и Лаптев. На этот раз собрание прошло «на высоком уровне». Его участники «получили исчерпывающие ответы на вопросы, осудили свои неправильные выступления на прошлом собрании и единодушно одобрили решение июньского пленума ЦК КПСС», отменив ранее принятую резолюцию как «неправильную». А бюро горкома объявило выговор секретарю заводской парторганизации Сметанину{986}.

В Смоленской области было проведено 3362 собрания с участием 326215 человек. Один из 21187 выступавших, колхозник Ермашов из колхоза «Красный борец» в Издешковском районе говорил:

– В 1953 г. мы получили на трудодень по 10 копеек, а в 1956-м – по 8 рублей. Построены хорошие скотские помещения. Более 30 семей построили за этот год новые дома.

За одобрение постановления проголосовали 326184 человека, воздержались 30. Но с ними затем была проведена индивидуальная разъяснительная работа, и они «целиком и полностью одобрили решения пленума ЦК КПСС»{987}.

Партийная информация с мест фиксировала не только раздававшиеся на собраниях и митингах вопросы о самом насущном. Фиксировала она и частные разговоры, сопровождаемые «неправильными толкованиями», свидетелями которых приходилось быть партийцам. Так, колхозница Земскова из колхоза им. Толбухина в Ярославской области говорила:

– Для нас товарищ Маленков был неплохим. Когда он был председателем Совета

министров, то снизил сельскохозяйственный налог{988}.

Анализ сведений с мест о реагировании коммунистов и беспартийных позволяет предположить, что одним из основных мотивов для неприятия многими из них того, чем закончилась очередная схватка за власть в Кремле, было не столько особое предпочтение, которое они могли отдавать Молотову или Маленкову перед Хрущевым, сколько общая неудовлетворенность своим собственным материальным положением и неверие в то, что оно может в скором времени улучшиться. Как отмечалось в информации Ставропольского крайкома КПСС, «жалобы на низкую материальную обеспеченность рядовых рабочих, на недостаток продуктов питания в магазинах, на слабую борьбу со спекуляцией и на плохую работу горисполкомов по ремонту квартир» содержались в «отдельных высказываниях» на этих сугубо политических собраниях и митингах{989}. Особенно сильно этот мотив звучал, когда эти собрания и митинги выходили из-под контроля партийных организаций и принимали стихийный характер, чем-то напоминающий бунт.

Заведующий отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР Чураев тоже вынужден был признать, что «имеют место отдельные факты, когда из-за ослабления политической работы среди трудящихся и плохой организационной подготовки, на них верх берут крикуны и демагоги, а на Куйбышевском авиационном заводе им. Ворошилова и Каспийском судостроительном заводе в Дагестанской АССР митинг и собрание были сорваны»{990}. Такого, пожалуй, в советской истории не было с 20-х годов. Так что же там случилось?

Митинг на Куйбышевском заводе им. Ворошилова готовился, вроде бы, по всем правилам массово-политической работы, и ничего неожиданного там не должно было произойти. Партком определил выступающих, и со всеми ними была проведена беседа. «Они были подготовлены для выступления», – заверял позже секретарь обкома Евсеев. Утром 11 июля в парткоме собрались секретари цеховых парторганизаций, председатели профбюро и начальники цехов. Секретарь парткома В. И. Воротников рекомендовал им собрать в цехах коммунистов и инженерно-технических работников с тем, чтобы с ними «договориться об активном участии на митинге». Митинг собрался, как и было предусмотрено, в 5 часов дня. Воротников сделал краткое сообщение о постановлении пленума. Затем выступили лудильщик Сухоруков (старый коммунист), летчик-испытатель Рыков (Герой Советского Союза), работница Свиридова, директор Ельшин и секретарь горкома Банников. «Все эти выступления были выслушаны нормально», то есть никаких нездоровых или враждебных реплик не было. В президиум поступили 4 записки, в том числе от молодого рабочего Лазарева, с просьбой предоставить слово. Но это не вписывалось в заранее предусмотренный сценарий, и их проигнорировали. Но когда приступили к зачитыванию проекта резолюции, на трибуну выскочил Лазарев и потребовал слова «от имени рабочих». Часть участников митинга поддержали это требование, и ему позволили говорить. А он заявил:

– Мы хорошо знаем товарища Молотова и товарища Маленкова, верим им. Их всех поддерживает народ. Хрущева мы не знаем.

Когда он стал сходить с трибуны, ему «активно аплодировала значительная часть участников митинга». Из толпы выбежала к трибуне молодая работница Липина и выкрикнула:

– О Молотове мы много читали, его знаем хорошо и ему верим!

Митинг начал принимать нежелательный характер. У трибуны собрались 15-20 человек, настойчиво требовавших дать слово и им. Их попытался успокоить секретарь райкома Россовский. Но когда он сказал, что Молотова никто не знает, то многие стали кричать хором:

– Молотова мы хорошо знаем! Он был у нас, разговаривал с нами!

К трибуне вторично подошел секретарь горкома Банников и стал рассказывать о том, что сделано за последнее время по реализации решений XX съезда по улучшению жизни и быта трудящихся. Его слушали внимательно. Но как только он перешел к осуждению антипартийной группы, снова поднялся шум. Последующие ораторы в большинстве своем сетовали на то, что с Молотовым поступили неправильно, и говорили, что они его поддерживают. При этом некоторые из них «демагогически» заговорили о трудностях с жильем, о нехватке мяса в продаже, противопоставляли рабочих и руководителей. Тех, кто говорил иначе, заглушали выкриками. В такой обстановке президиум, посоветовавшись, предоставил слово директору Елынину, который предложил, в связи с большим количеством поднятых вопросов и большим

количеством желающих выступить, перенести их обсуждения на рабочие собрания в цехах с тем, чтобы «в спокойной обстановке» разобраться с ними.

Но это предложение было отвергнуто. Стали раздаваться требования принять резолюцию здесь же, на этом митинге, и записать в ней: «Дать слово товарищу Молотову для выступления по радио или приехать на завод, после чего определить, правильно ли решил вопрос ЦК». Ельшин, заявив, что в обстановке общего шума продолжать митинг невозможно, объявил его закрытым и предложил приступить к работе. Однако большинство отказалось расходиться. Чтобы не дать трибуну «демагогам», микрофоны были отключены. Но еще какое-то время Ельшин, Воротников, Росовский и Банников продолжали находиться в окружении больших групп возбужденных (некоторые «в нетрезвом состоянии») рабочих, выкрикивающих всевозможные вопросы, в том числе «провокационного характера», и не желавших выслушивать ответы и разъяснения.

При обсуждении этого скандала в обкоме партии выяснилось, что в самой подготовке митинга было очень много формального. Партком не учел, что в ряде цеховых парторганизаций уже имели место «неправильные вопросы и даже выступления» при обсуждении итогов пленума ЦК, что рекомендация парткома в большинстве цехов не была выполнена и коммунистов там не собирали. Не учтено также было и то, что Молотов в 1955 г. посещал завод и пробыл там около 8 часов. В итоге было решено рассмотреть вопрос о срыве митинга и о мероприятиях в связи с этим на расширенном заседании парткома и на закрытых партсобраниях в цехах, после чего вернуться к обсуждению итогов пленума ЦК на рабочих собраниях, но тоже по цехам. Решено было также отложить проведение митингов на некоторых предприятиях, в частности в Кировском районе, где располагался завод им. Ворошилова{991}.

Еще более вызывающие формы и размеры приняло обсуждение итогов пленума ЦК на заводе № 182 Министерства судостроительной промышленности в Каспийске. Там уже на собраниях цеховых коллективов 10-11 июля часть выступавших выражала сомнения в правильности решения пленума, мотивируя это тем, что им неизвестна точка зрения Маленкова, Кагановича и Молотова по внутренней и внешней политике, и ставя вопрос о том, чтобы им предоставили возможность изложить свою точку зрения в печати или по радио. В выступлениях проявлялось и недовольство снабжением продуктами питания. «Отдельные демагогически настроенные лица вносили дезорганизованность в работу собраний, криком и свистом мешали выступать рабочим, положительно относящимся к решению июньского пленума ЦК КПСС, демонстративно уходили с собраний, в связи с чем в этих цехах собрания были перенесены на другое время». Вслед за этим на территории завода и в городе было обнаружено 8 рукописных листовок с требованиями дать слово Маленкову, Молотову и Кагановичу. В одной из них содержался призыв к забастовке. Учитывая все это, было решено провести общезаводское рабочее собрание по сменам, пригласив на него первого секретаря Дагестанского обкома А.Д. Даниялова{992}.

Такое собрание состоялось 15 июля. В связи с тем что заводской клуб был рассчитан на 1000 мест, а на заводе работало 7000 человек, на предварительном совещании с секретарями цеховых парторганизаций и председателями цеховых профбюро, «договорились пригласить на собрание рабочих-активистов и коммунистов, чтобы придать собранию более организованный характер». Но добиться этого не удалось. Зал и фойе оказались переполнены. Возле клуба собрались еще 2 тысячи человек, требовавших перенести собрание на стадион. Само же собрание началось с бурных споров о составе президиума, сопровождавшихся шумом, криком и свистом тех, кто добивался избрания в президиум людей, «заведомо отрицательно настроенных в отношении решений июньского пленума». Шум и свист возобновились, как только Даниялов перешел к информации о пленуме ЦК. Никакие усилия оратора, председательствующего на собрании директора завода Мельникова и депутата Верховного Совета СССР, председателя Центральной ревизионной комиссии КПСС Москатова не дали положительных результатов. Шум и беспорядки еще более усилились после того, как сидевший в президиуме фрезеровщик Абрамов «провокационно» призвал перенести собрание на стадион. В президиум большими группами повалили люди. Шум и свист усиливались. Большинство членов президиума, сочтя, что в такой атмосфере продолжать собрание нельзя, покинули свои места. Но на выходе из клуба Даниялов, Москатов и Мельников были окружены плотным кольцом «злобно

настроенных людей, поведение которых показывало, что они способны на самые крайние меры»{993}.

Бюро Дагестанского обкома КПСС, обсудив в тот же день случившееся, расценило его как «организованную провокацию, подготовленную враждебно настроенными элементами, действующими тихой сапой через отсталую часть рабочих, и в особенности молодежи». Были намечены мероприятия по усилению политической работы среди рабочих завода. Для ее организации туда на месяц командировали второго секретаря обкома Колесникова с группой республиканского актива. А КГБ предложено активизировать розыск «авторов антисоветских листовок и зачинщиков, пытавшихся дезорганизовать собрание»{994}.

Сорвано было собрание на участке «Ледяной» Верхне-Атурского золотого прииска в Магаданской области, где трое рабочих, неоднократно судимых «за контрреволюционные преступления», позволили себе «клеветнические высказывания в адрес Коммунистической партии и советского строя, в адрес руководителей партии и правительства». При обсуждении проекта резолюции в автобазе № 5 СНХ в поселке Берелех шофер Г.Г. Васильев предложил записать, чтобы Молотов, Маленков и Каганович рассказали по радио о своей антипартийной деятельности, а шофер П.П. Грабарь предложил «выступить т. Хрущеву перед народом с отчетом за период войны, когда он командовал вместе с маршалом Тимошенко под Харьковом и где по их вине были погублены десятки тысяч человек». Председатель Сусуманского райисполкома не сумел дать этим выпадам должного отпора. И хотя оба эти предложения были отклонены, против принятия резолюции проголосовали 53 человека, тогда как за – 121.{995}

Все вышеприведенные факты показывают, какие огромные усилия предпринимало партийное руководство, чтобы добиться единодушного одобрения (как в партии, так и в народе) тех перемен, которые произошли в Президиуме ЦК. Причем методы, к которым оно прибегало, не имели ничего общего с какой-либо демократией, с терпимостью к другим мнениям. Формально эта цель, вроде бы, была достигнута. Но как же выглядела картина политических симпатий и предпочтений летом 1957 г. на самом деле?

Судя по результатам опроса, проведенного силами студентов МПУ, отрицательно отнеслись к попытке лишить Хрущева поста первого секретаря ЦК КПСС 19% опрошенных в 1998 г. и 31,5% опрошенных в 1999 г.

«Они были не правы и получили по заслугам», – считала А.А. Кузовлева, работница Серпуховской ситценабивной фабрики{996}. Плохо отнеслась к этой попытке А.Г. Степанова из села Нижние Петушки в Белгородской области: «Хрущев все-таки был неплохим»{997}.

«Общество отрицательно отнеслось к попытке сместить Хрущева», – уверен В.М. Михайлов из подмосковной Тайнинской, считавший Хрущева «талантливым руководителем и политическим деятелем», а Кагановича – вообще не вызывающим доверия. «Как и у всех присутствующих на партсобрании», обсуждавшем итоги июньского пленума ЦК, отрицательное мнение о противниках Хрущева было и у заведующей железнодорожной столовой в Петрозаводске М.А. Гришиной, которая к этому времени испытывала «разочарование в Молотове». Жалко было бы агроному П.А. Барабошиной из деревни Стрешневы Горы в Лотошинском районе, если бы сняли Хрущева, а то, что этого не случилось, было, по ее мнению, хорошо. Был на стороне Хрущева, «так как он разоблачитель Сталина», москвич А.В. Шаталин{998}.

«Хрущеву доверяли», – утверждал рабочий треста № 20 Мосстроя П.И. Полозок. «Горой за Хрущева» был рабочий трамвайного депо им. Баумана В.А. Васильев, который и сейчас считает его «самым лучшим лидером государства»{999}. Считал, что «эта группа хотела вернуть страну во времена Сталина и Берии» поездной бригадир из Николаева В.А. Попов. «Шайка бандитов пыталась вернуть сталинские порядки», – считала шофер МПС М.А. Тук. «Ведь они были сторонники Сталина и потому тормозили развитие», – говорила колхозница Е.А. Грибкова из деревни Городенки в Малоярославецком районе Калужской области{1000}.

Переживал за судьбу кукурузы рабочий конного завода в Казахстане А.Л. Сергеев: «В нормальных дозах она нужна, а они против нее вообще». 30-летнего строевого офицера из ближнего Подмосковья В.Я. Самойлова «устраивала система управления хрущевской модели», хотя некоторые ее детали ему и не нравились, да и не мог он думать с уважением о «борцах подковерных» и тогда и теперь{1001}.

«Захотелось повластвовать самим, – рассуждал военный инженер из Красноярска-26 П.А. Писарев. – Хотя не понятно, чего им не хватало». «Терпеть не могу заговорщиков, – говорила врач городской больницы в Бельцах (Молдавия) Л.В. Беляева, – а на открытый диалог у них не хватило мужества». Соглашался, что это «похоже на заговор», техник Шувойской ткацкой фабрики в Егорьевском районе Г.И. Капустин{1002}.

Верил официальным заявлениям и негодовал В.Ф. Баландин из поселка Ромашково в Одинцовском районе. Возмущена была выпускница одной из московских школ Л.И. Шаина. Ненавистью к «раскольникам» воспыал студент Московского института геодезии и картографии М.С. Косткин. «Отправить этих прохвостов в тюрьму» полагал необходимым слушатель Ленинградской высшей школы милиции А.В. Петров. «Эту кучку надо было вешать на месте», – считал строитель В.И. Бухаров из совхоза «Черновский» в Куйбышевской области{1003}.

Желали бы смены Хрущева 13,5% опрошенных в 1998 г. и 17% опрошенных в 1999 г. Это на треть меньше тех, кто этого не хотел{1004}.

«Они хотели совершить правильный поступок», – считал А.П. Козюков, прокурор в Плавском районе Тульской области{1005}.

Считала Хрущева выскочкой, нечестным человеком Н.А. Блохина, секретарь-машинистка комбината МВД (Подольск-20){1006}. Думала, что «Хрущев не на своем посту», З.И. Соболева из села Язвинцы в Загорском районе{1007}. «Отклонил не в лучшую сторону», – констатировал зоотехник И.А. Емашов из совхоза «Лермонтовский» в Пензенской области{1008}. Воспринимала Хрущева как клоуна А.Д. Линдер, сотрудница МВД СССР{1009}. «Гнать надо было Хрущева взащей, народ не берег, все Сталина ругал, гнида!» – выражала недовольство М.И. Вознюк, кочегар на кирпичном заводе в Райчихинске (Амурская область){1010}. «Он убирал способных людей, работников», – отмечал слушатель ВПШ Г.С. Корнев{1011}. «Правильно, никто его в деревне не любил», – утверждает учительница А.В. Сорокина из Онуфриево в Истринском районе{1012}.

Курсант Ленинградского нахимовского военно-морского училища Н.Л. Хаустов симпатизировал Маленкову, Молотову и Кагановичу потому, что «авторитет их при Сталине был выше»{1013}. Продолжала считать неправильным смещение Маленкова с поста главы правительства работница ателье № 4 в Краснопресненском районе Москвы П.М. Ключева{1014}. Жалко было Маленкова и рабочему завода № 67 в Москве И.Т. Елисееву{1015}.

«Люди бы одобрили», – уверен Б.С. Суворов, работавший тогда в одной из МТС в Кустанайской области{1016}. «Не верили в антипартийность этих товарищей, – признавался офицер и член КПСС А.П. Брехов. – Скорее это могла быть попытка восстановить партийность, нарушенную Хрущевым». «Неудачной попыткой остановить авантюриста» назвал июньские события 1957 г. выпускник одной из военных академий в Харькове Е.Д. Монюшко. «Значит, он не оправдал доверия своих коллег», – предполагал рабочий завода № 30 А.И. Кирьянов, добавляя, что и сам «ему никогда особенно не доверял»{1017}.

«“Антипартийная группа” – это надумки властолюбивого и недостаточно умного Хрущева», – категорически заявлял офицер-пограничник из Закавказья А.С. Макулов. По мнению студента Рязанского радиотехнического института Карпецкого, «Хрущев уже обюрократился, а Маленкова помнили еще по 1953 г. и потому сочувствовали ему». Большая вера в Маленкова была у М.А. Прилепской, работницы санатория «Южный» в Евпатории. В душе за Маленкова был В.В. Деев, военнослужащий из Томска. Переживала только за Молотова московская официантка и жена офицера-силовика Н.Н. Снытникова: «Хрущев не пользовался популярностью в моей среде, а Молотова уважали». Уверен был, что Молотов и Маленков «восстали против диктата Хрущева, предлагая зарвавшегося поставить на место», сотрудник Внуковской таможни Ю.Н. Шубников. По его словам, «Катерина Фурцева, собрав членов ЦК, штурмом взяла Кремль и освободила Хрущева»{1018}.

Неприятнь к нему лично, отсутствие доверия и симпатий отметили еще 20 респондентов{1019}.

Были ни на чьей стороне в этой схватке за власть, не имели своего мнения 23% опрошенных в 1998 г. и свыше 17% опрошенных в 1999 г.

«После смерти Сталина – не руководство государством, а арена для борьбы», – печалился

работник ФИАНа Л.А. Ипатов{1020}. «Борьба за власть и больше ничего», – считала А.Н. Никольская, медсестра из детских ясель Водздравотдела в Икше Дмитровского района{1021}. В глазах И.И. Парамонова, слесаря одного из депо Московского железнодорожного узла, все это выглядело как элементарная борьба за власть, в которой Хрущев оказался сильнее «и просто убрал своих конкурентов»{1022}. Полагал, что это борьба за власть («хотя считалось, что у нас в стране ее нет»), шофер из города Железнодорожный П.С. Окладников. «Каждому хочется поцарствовать!» – неодобрительно говорила каменщица из поселка Северный около Талдома М.В. Фокина. «Эти внутрипартийные игры не заканчиваются хорошо», – говорил рабочий одного из московских номерных заводов С.С. Глазунов. «Борьба за власть всегда отрицательно отражается на судьбе народа», – была еще более категоричной А.И. Алексеева, школьная учительница из города Чехов{1023}.

При чтении таких нелцеприятных высказываний невольно напрашивается вопрос, не являются ли они свидетельством известной десакрализации (в отношении части населения) власти вообще, а не только отдельных ее представителей?

Затруднились с ответом 30,5% опрошенных в 1998 г. и более 19% опрошенных в 1999 г.

Соответственно 13,5 и 5% объясняют это тем, что были не в курсе событий, не знали о них.

Еще 11 и 10% не помнят об этом ничего.

Ответа нет или он не расшифровывается у 9% опрошенных в 1998 г. и почти 11% опрошенных в 1999 г.

Итак, открытое политическое столкновение за власть летом 1957 г. закончилось победой Хрущева, одобренной затем значительным, хотя и не абсолютным большинством простых людей. Немалую их часть составляли его приверженцы. Но были среди них такие, кто находился бы на стороне победителя и в случае иного, противоположного исхода борьбы за власть.